

ОДА ГОРЯЩЕЙ СВЕЧЕ

А Н Т О Л О Г И Я

Коллектив авторов
Татьяна А. Ивлева
Ода горящей свече. Антология
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62777593

Ода горящей свече. Антология:

ISBN 978-5-00165-183-3

Аннотация

Свеча – вечный спутник человека на дороге жизни, свет во тьме, озарение, живительная сила и надежда, символ человеческой души, ее внутренней силы. Одной маленькой свечи достаточно, чтобы разомкнулась тьма. Ее стойкость и вертикальность символизируют стойкость и негибаемость человеческого духа, его устремленность к высшим смыслам: пламя свечи, как бы ее ни поворачивали, всегда устремлено к небу. Свеча – символ бескорыстного служения, справедливости, милосердия, знак верно выбранного пути, поиска истины. Без свечей невозможно представить праздник Рождества и Нового года.

В былые времена на Новый год тушили старые огни – и от нового, чистого, сильного пламени зажигали все

очаги, свечи и факелы. С тех пор зажжение свечи – символ возрождения, возобновления, новой жизни. В христианской традиции свеча – божественный свет, сияющий в мире, свидетельство причастности человека к Божественному. В каббале три свечи означают Мудрость, Силу и Красоту. Этим смыслам отвечает и название сборника – «Ода горящей свече». В сборник вошли стихи и проза 37-ми авторов, живущих в разных частях света и пишущих на русском языке. Также, по сложившейся традиции, представлены коллекции рисунков и фоторабот: на этот раз – Владимира Сычева (Берлин), Владимира Базана (Париж), Владимира Титова (Париж) и Натальи Говши (Миссиссога, Канада).

Содержание

Татьяна Ивлева	7
Ода горящей свече	10
«Сгущается жара в июльском мираже...»	12
«Я прошла через эту – небелую – дверь, поверь...»	13
Свитер голубой	14
«Не просила у постылого...»	16
«ваше солнце садится...»	17
Весенний сплин	18
«Чужие ветры прилетают по весне...»	20
«Синева, как синема...»	21
Слово забытое	22
«Не говори «прощай!» – Беспечно...»	23
Заклинание свечи	24
Игорь Шестков	26
В нескучном саду	28
Владимир Базан	45
Наталья Шабло	48
Я буду ждать	50
В центре тишины	52
Из детства	53
Нет проще ничего	54
Черно-белое	56

Здесь нет ничего	57
Лучший кофе	58
Римма Запесоцкая	59
Ольга, дочь царя Симеона	61
Миясат Муслимова	67
Памяти С. Параджанова	69
I. Воспоминание	69
II. Выпусти белую птицу	70
III. Зерно	71
Я распахнула двери	73
Петербургу	74
Шепот	75
Анжи 3	77
Как мягок карий цвет	79
Зеркала	80
Александр Айзенберг	81
Полная луна	82
Алексей Глуховский	86
«На дворе то ли дождь...»	88
Вещность	89
Утренний кофе на террасе	91
«Мы общаться когда-то умели...»	93
«Ах, как легко порой дается стих...»	95
Время	96
Марку Шагалу	98
С Провером	99

Инна Иохвидович	100
Алик, Ленчик и вьетнамец	102
В голубом вагоне	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**Ода горящей
свече. Антология**

Татьяна Ивлева

/ Эссен /

Родилась и окончила школу в Казахстане. Первые публикации стихов в областной газете «Южный Казахстан» и в литературно-художественном журнале Казахстана «Простор». Диплом филолога по окончании университета получила в Одессе, там же служила в Русском драматическом театре

им. Иванова. В Минске была сотрудником комитета Белорусского радио и телевидения. В Германии с 1987 года. Работала преподавателем русского языка, переводчиком, социальным педагогом. Сотрудничала с известным театром Рургебита «Theater an der Ruhr» (Мюльхайм), принимая участие в большом интернациональном проекте «Шелковый Путь» под эгидой ЮНЕСКО. Печаталась в журналах, сборниках и поэтических альманахах в Германии, Франции, Бельгии, Америке, России, Узбекистане. Редактор и составитель альманахов и антологий современной русскоязычной поэзии, автор семи поэтических сборников. Член Союза русских писателей в Германии, член жюри различных поэтических конкурсов, лауреат нескольких литературных премий. Живет и работает в Эссене.

Ода горящей свече

Похоже, о душе забыли боги,
Погрязшие в рутине вечных смет...
Но мой рабочий стол, как темпель¹ строгий —
На нем свечи сошелся клином свет.

Душа слова рассеянно роняла
В полночный стих, что в воздухе парил.
Своим дыханьем пламя согревало
На белом голубую кровь чернил.

Свеча горела, не жалея воска,
Отпугивая тени за спиной,
Сошедшие ко мне с полотен Босха,
Чтобы в ночи расправиться со мной.

Свеча во мрак свое вонзала жало,
С бесстрашием приняв неравный бой.
То замирало пламя, то дрожало,
От мрака заслонив меня собой.

Подсвечник медный цвета купороса
Поддерживал ее в ночном бою.

¹ Темпель (в переводе с *идши* – «Святыня»), храм, место для религиозных обрядов.

Сто тысяч лет никто так не боролся
За душу опаленную мою.

Гори, свеча, верши ночное бденье!
Тебя поставлю во главе угла —
Примером героическим свеченья
На бранном поле моего стола.

2007 – Эссен

«Сгущается жара в июльском мираже...»

Сгущается жара в июльском мираже
И впору падать ниц с мольбою о пощаде.
Ни дождичка, ни сна измученной душе,
И рукопись горит в пылающей тетради...

Бессонницей постель измята, как трава,
Сгоревшая дотла под жгучим взглядом солнца.
Увядшая герань. Угасшие слова.
Колодец ночи пуст. Испепелен до донца.

О ты, палящий зной, воспламени во мне
Погасшие слова, истлевшие надежды,
Чтоб вспыхнула душа в спасительном огне
И возродилась вновь – крылатою, как прежде!

2019 – Эссен

«Я прошла через эту – небелую – дверь, поверь...»

Анне Германовой

...эта белая, белая дверь...

Л. Дербенев

Я прошла через эту – небелую – дверь, поверь,
За спиной оставляя пропасть надежд и потерь,
Имена, адреса, очертания милых лиц,
Спотыкаясь, падая навзничь и падая ниц.
Заметала следы или таяла без следа
По напраслине – жертвой – в кострах людского суда.
Боль слепила глаза, забивала горло золой,
Через черную дверь я без сил бежала долой.
За спиной выжигала тропу, ведущую в ад,
Мне вдогонку – нагбн, дру́ги-не́друзи – невпопад.
Я ушла от погони – как рыба в воде, живу.
Но мой взор вопрошает в небесную синеву.
Не видна в ней заветная белая дверь – не верь! —
Лишь безмолвная боль – безглагольность земных потерь.

2020 – Эссен

Свитер голубой

Где этот свитер голубой
С бегущей вышитой лисицей,
Чей след затерян на границе —
В опасной близости с судьбой?

Вернись, мой белый, бедный зверь
С душой из шелковой ангоры,
Вернись, не то захлопнут скоро
Твоей судьбы входную дверь.

Постой, доверчивый зверек,
Не подходи, не приручайся,
Беги от призрачного счастья
Со всех своих прекрасных ног!

Скорее, прочь от чужака,
Его рука тебя обманет.
Беги, как в утреннем тумане
Бежит весенняя река!

Шажок, еще шажок... – Прыжок!
Прощай, лилейная ангора!
На голубых моих просторах
Не удержать тебя, дружок.

2019 – Эссен

«Не просила у постылого...»

Не просила у постылого
Ни полушки, ни кремня.
Целый век искала милого,
Что искал и ждал меня.
Ветры дальние, нагорные
Били в спину и в лицо,
Налетали тучи черные,
Проливались на крыльцо.
На крыльцо, да на узорное,
На дорогу, на судьбу...
Променяла знать придворную
Я на чернь, на голытьбу.
С теми – сердце не утешила,
С теми – душу не спасла.
Не сошлись дороги здешние,
Не осилили крыла.
Застилает тропы инеем
В те нагорные места,
И все реже чьим-то именем
Бредят кроткие уста.

«ваше солнце садится...»

ваше солнце садится
в наши реки тугие
я твоя заграница
и твоя ностальгия

перелетная птица
помнит гнезда другие
ты моя заграница
и моя ностальгия

в небесах состоится
двух сердец литургия
и чем дальше граница
тем сильней ностальгия

2019 – Эссен

Весенний сплин

*Я шепну тебе что-то такое,
Что одна лишь природа поймет.*

Юна Мориц

На закате зимы, на восходе весны
Почему люди бездонно грустны,
Опуская на грудь, на сердечную муку,
Как на Библию, слабую левую руку?

И пока куролесит безудержный март,
Повергая природу то в сплин, то в азарт,
Наполняя водой задремавшие реки,
Предаются сезонной тоске люди.

Предаются печали. Слезам. И стихам.
Пусть отмщение мне! – Только я не воздам.
Не взыщу за долги. Не воздам за обиды.
Между мной и природой иные флюиды.

В сердце грусть и тоска на пороге весны,
Но... Мы – дети природы. И мы прощены.
И пока есть живительный ток у природы,
Никогда люди не выйдут из моды.

2020 – Эссен

«Чужие ветры прилетают по весне...»

Чужие ветры прилетают по весне,
Чужие души гонят стайкой в вышине.
И вот одна – на европейском сквозняке —
С увядшей веточкой магнолии в руке.

Среди кочевий, экзотических речей
Здесь каждый каждому чужой. Никто. Ничей.
Здесь нет границ, и в тупики ведут пути,
Но ты, душа моя продрогшая, лети!

Не знать родства тебе и почвы для корней.
Чужд Вавилон. Квадрат Малевича родней.
Лети! В пути цветы магнолий подбирай,
И может быть, входной билет получишь в рай.

2020 – Эссен

«Синева, как синема...»

Синева, как синема,
На широком небосводе:
То тоской сведет с ума,
То с ума надеждой сводит.

Что – за синью? Угадай!
В благодать и в утешенье
Там сияет светлый рай?
Или ждет надежд крушенье?

Стайки зыбких облаков
Рвет и мечет дерзкий ветер:
Налетел – и был таков! —
За сюжеты не в ответе.

И прочесть нам не дано
Ни в рекламе, ни в буклете,
Чем закончится кино
Через тысячу столетий...

2019 – Эссен

Слово забытое

Может, послышалось в полночь тревожную,
Дождь на бегу прошептал за окном
Слово забытое, неосторожное? —
Призрак из прошлого в небе ночном.

Вспугнутой птицею бьется отчаянно,
Мечется, просится в сердце ко мне
Слово забытое – птица печальная,
Что не разбилась о глыбы камней...

Кружит, пугливая и непорочная,
Стонет и просится в клетку строки,
В клетку души. – Что ж, моя полуночная,
Дай, накормлю тебя, птица, с руки...

2019 – Эссен

«Не говори «прощай!» – Беспечно...»

Не говори «прощай!» – Беспечно
шепни привычное «пока»...
И пусть плывут над миром вечно,
меняя облик, облака.
Все переменчиво в природе,
как с гор бегущая вода,
но там – в сакральном небосводе —
своя у каждого звезда.
На перекрестках тьмы и света —
вразлет! – мы встретимся с тобой,
как две летящие кометы,
послы планеты голубой.
И пусть вокруг темно и зыбко,
и наша встреча далека,
не говори «прощай!» – С улыбкой
шепни бессмертное «пока!».

2020 – Эссен

Заклинание свечи

Памяти Ольги Бешенковской

*Ну, а душу – как бы не пинали,
Все равно, упрямая, жива.
Пусть мое бесхитростное имя
Станет маркой новых сигарет.*

Ольга Бешенковская

Отпечалься, свеча, до рассвета,
До побудки задир-петухов —
За упрямую душу поэта,
За смертельную дозу стихов.

Дотянись голубым полыханьем
К бездорожью путей неземных,
Где, согрет стеорина дыханьем,
Как дитя, зарождается стих.

Ясным бликом коснувшись портрета,
Освети только главного суть.
У поэта в руке сигарета
Коротка, как земной его путь.

В «Беззапретной дали»² поднебесной
Затеряется призрачный след,
Чтобы книгою стать или песней...
Или маркой его сигарет.

05.09. 2006, Штутгарт

² «Беззапретная даль» – последний сборник стихов Ольги Бешенковской.

Игорь Шестков

/ Берлин /

Игорь Шестков (Igor Heinrich Schestkow) родился, вырос и жил до эмиграции в Москве. После окончания МГУ 10 лет работал в НИИ. Занимался самообразованием, рисовал, в восьмидесятых годах участвовал в выставках художников-нонконформистов. В 1990 году выехал как турист в ГДР и на родину больше не вернулся. Живет в Берлине. Пишет рассказы и эссе по-русски.

В нескучном саду

Она позвонила мне на работу. Вечно ухмыляющийся пожилой толстяк Пронов подал мне трубку, сделал большие глаза и проговорил многозначительно: Тебя просит дама. Но не жена!

Усмехнулся и тяжело посмотрел на Двинскую. Та в ответ хмыкнула, улыбнулась косо, плечами дернула и произнесла язвительно: «Димочку опять вызывают к зубному врачу!»

А у меня, еще когда телефон зазвонил, екнуло сердце. Она!

Почему мы знаем, кто нам звонит? Тайна! Подумаешь о человеке. И тут же звонок. Или наоборот. Позвонишь, а тебе говорят: «Я только что о тебе думала».

Все врут физики. Есть в пространстве неуловимый для приборов эфир, передающий мысли и эмоции живых существ без всякого электромагнетизма. И эфир этот заполняет всю вселенную. Может быть эта та самая невидимая темная материя?

Я взял трубку и, прикрыв микрофон рукой, спросил тихо:

– Ты?

– Я.

И – молчание. Сжал зубы.

Надо было гончих псов со следа сбить. Заговорил наигранным деловым тоном: «Нет, Марья Викторовна, ваша дочь

к экзаменам не готова. Я думаю, что надо еще, как минимум, три месяца заниматься. Геометрию подтянуть... да и алгебру тоже».

– Ты, что, что говоришь! О Господи, догадалась. Дура. Ну давай, придумай еще что-нибудь!

– Неравенства? Это тема трудная. Тут за два занятия ничего не сделаешь. Надо месяцок или полтора утюжить...

– Милый, быстрее. Сейчас кто-нибудь войдет. Жду. Со-скупилась. На Ленинском. Где всегда. У Спартака. Через час. Ты забыл меня!

– Нет, конечно. Как Вы могли такое подумать? Что вы говорите, Марья Александровна? Завтра контрольная?

– Знаем мы, как ты алгебру подтягиваешь! И как утюжишь – тоже знаем! Даже имя два раза одинаково произнести не удосужился! – прошипела Двинская и посмотрела на меня ревниво.

– Вы правы, конечно, надо внеочередное занятие провести. Что? Через час? Не знаю, надо у Леонида Леонидовича спросить. Если он не против, то пожалуйста. Да, в четырнадцать двадцать. На Ленинском. У Спартака.

Теперь шефа надо уломать. Это не трудно. Хотя бывает – разорется по пустяку – не остановишь.

Наш шеф любил шутить. Высказывался иногда очень здраво: «После обеда нормальному человеку надо часок поспать, потом сладкий чай... м-да... с грибной запеканкой. А тут сидишь, сидишь, как пингвин на яйцах, и ничего не вы-

сидишь».

И сам громко смеялся. Нередко уходил с работы еще до обеда. Когда дверь за ним закрывалась, напряжение само собой спадало. Как после команды – вольно. Приятно, когда за тобой не следят! Можно даже наукой заняться. Наши дамы устраивали чаепитие. И болтали иногда до самого конца рабочего дня. Социализм – малина для хороших людей. И концлагерь, если энергичные мерзавцы за дело примутся.

– Леонид Леонидович, мне мать моей ученицы позвонила. Просит внеочередной урок провести. Отпустите, пожалуйста, на три часа. У меня еще два полных отгула осталось.

– Отгулы... За прогулы. Успокоил. Ха-ха-ха. Ну, лети, скворец. Давай ей урок – у Спартака... Да мне и самому пора, надо еще молочка и сырку сынку купить.

Шеф – золото! Хотя и не блестит. Бывший летчик – сталинский сокол. Потом ученый. Лауреат какой-то премии. Завлаб и маразматик. Но с сочувствием к подчиненным. Далеко не худший вариант.

Два года назад он всех удивил – женился в четвертый раз. А уже через месяц у шестидесятисемилетнего завлаба появилось прибавление в семействе. Родился ребенок, сын Саша. Странно, но на эту пикантную тему сотрудники нашей лаборатории даже не злословили. Жалели старика. Хотя его четвертую жену, бывшую вдвое моложе детей шефа от первого брака, не любили. Звали ее за глаза лимитчицей. Шептали, что она – «молодуха, старика изловила и в подоле ему

принесла» ради московской прописки.

Перед тем как уйти, подошел к Двинской, прошептал: «У тебя совесть есть? Все уже обговорили тысячу раз. А ты опять за свое! Зачем ты меня при всех позоришь?»

– Мне противно, когда ты врешь.

– Я не вру, ты же знаешь, что без уроков я на мои деньги ноги протяну.

– Знаю я твои уроки. Ты их мне достаточно... надавал.

– Могу еще дать. Погоди, квартира освободится. Тогда серьезно поговорим. Или, может быть, у тебя встретимся? С мужем любимым меня познакомишь. С мамой.

Заткнулась. Язвит, шипит как змея, а когда прижмешь ей хвост, теряется, слабеет. За это она мне тогда, четыре года назад и понравилась. И с тех пор тянется эта канитель. Давно уже прекратить пора. Тряпка.

Вышел из института. Решил пешком до Ленинских гор пройти. Вдоль ограды. До самой Смотровой Площадки. А оттуда на семерке до Спартака десять минут. Как раз успею.

Плохо, что снег на пешеходной дорожке не чистят. По щиколотку. Залезает в ботсы. Ноги промочу. Завтра будут сопли. Черт с ним. Так приятно по холодку пройтись. Уже одно отсутствие коллег веселит сердце как шампанское. Каждый день одни и те же надоевшие лица. Не институт, а казарма.

И не темно еще – хочется на свет посмотреть. А то – уходишь на работу, света еще нет, приезжаешь домой – уже темно. А в лаборатории и свет в окнах не радует, такая у нас ца-

рит казенщина. Огонь присно палящий и тьма несветимья.

Да и с самим собой поболтать приятно. Хорошо думается на прогулке. Идешь и как будто из окошка поезда на мир смотришь.

Так о чем поговорим? Конечно о ней! С самим собой? С кем же еще об этом говорить? С женой? Даже с матерью нельзя. Начнет сразу шилом колоть.

– Я тебя предупреждала! Женатые все смурные. Если женился, не порти жене жизнь. У тебя ребенок. А сама этого ребенка видеть не желает!

– Не лезь к чужим бабам в постель!

Да не лезу, рад бы, да не лезу. Где это в Москве можно найти постель? Это вам не Чикаго (там на всех углах постели с чужими женами). Тут Москва. Холод и лед. Даже на лавочку не сядешь – зад примерзнет.

И бабушке тоже нельзя ничего сказать. Сразу начнет подмигивать, намекать. Скажет: «Ты внук своего деда. Что вам не сидится? Гвозди в попе мешают».

А потом добавит проникновенно: «Я так жалею, что была всю жизнь твоему деду верна. Как меня любили! А я все боялась, все о детях думала. Дура! Но ты, говнюк, жену люби. Она у тебя золотце. Все делает. Умненькая и миленькая. Говорила я тебе, не торопись, теперь – вот он, локоток, близко, а не укусишь...»

А дед, так тот вообще разговаривать не станет. Отрубит только: «Молод еще жене изменять. Будет тебе лет пятьде-

сят, тогда посмотрим».

Посмотрим, посмотрим. Пятьдесят лет. Это же уже не человек, а придурочная обезьяна! По моим коллегам видно. Бывший комсомольский вожак Сечев жаловался мне: «Знаешь, все эти дела уже в сорок лет прекращаются. Вот так, дружок. Приветик».

Может врал, а может и нет. У него – заведомо все прекратилось. Он целиком в партийную карьеру погрузился. И в покупки товаров. Даже специально поближе к ясеневскому универмагу переселился, чтобы каждый день в него ходить и не пропустить, если что выбросят. После его ухода из лаборатории, мы его письменный стол открыли. И что же? Все ящики были почетными грамотами забиты. Килограмма три одних грамот. И все ему врученные – Сечеву. За то, за се... Его награждали, награждали, а он все эту макулатуру даже с собой не взял. Мы с Двинской тогда весь хлам собрали и ему на дом почтой отослали. Для хохмы. А на обратном адресе написали – «Партком МГУ». То-то он злился!

Отправили Сечева в свое время на Кубу. Науку для Кастро делать и за другими советскими наблюдать. Стучал он там, я думаю, не только руками, но и копытами. Рассказывал мне: «Представляешь, там на побережье рыба не пуганая. К ней подплывешь, а она на тебя внимания не обращает. Бил рыбу гарпуном, бил. Каждый день, часа по три. Домой волок пудами. Такая красота! Только девать ее потом некуда. Даже кошки хозяйские ее есть перестали. На помойку выбра-

сывал. Мы не ели, вдруг ядовитая...»

– И не жалко тебе было рыбу?

– Да что же ее жалеть, она же не наша.

– Не советская что ли?

– Что?

Лучшему другу – Леше, начнешь рассказывать, а он дразнится. – Хомячок, хомячок!

Это он так Лану прозвал. За толстые щечки. И второй подбородок. Бывает такое у женщин. На теле жира – ни капли. А лицо – полное. Припухшее. Кожа очень тонкая, чувствительная, жилки видно. Родимые пятна везде. Такие плачут по любому поводу. И смеются часто. Истерички. Зато возбудимые. Но зависимые. Ответить огнем на огонь они могут. А сами – как вода.

А Лешка – циник только на словах. На самом деле он мне сочувствует, просто он мою жену очень любит.

– Ты, Димыч, – говорит. – Жлоб. А Неля – ангел.

Умный! Женился бы сам на ней. Тридцать лет, а живет один.

Знаю, что моя жена ангел. Но иногда хочется от ангела – к хомячку. Шерстку нежную поласкать. У ангела ведь только белые перья. С ним только о божественном говорить можно. К тому же Нелька любит меня обличать. На слове ловить. Воспитывать. А меня от этого тошнит, хотя она всегда права. И лучше я от ее слов не делаюсь. Скорее наоборот. Нелька не ангел – она мой прокурор. А Лана – защитник. Потому

что сама грешница.

По-хорошему – ей на меня наплевать. Все равно, с кем любовь крутить. Сегодня я ей на дороге встретился. Завтра кто-то другой появится. Но это мне не важно. Потому что я – такой же. А может... От этого еще сильнее сердце ноет. Преходящее чувство. Стрекозиный короткий век.

Познакомились мы с ней на могиле Пастернака, в Переделкино. Романтично! Мне ребята тогда нелегально «Доктора Живаго» скопировали. Увеличили. У посевовского издания шрифт маленький. Глаза болят. Прочитал роман заново. Поразило. Только не любовь, не рассуждения, даже не поэзия. А общая линия. Композиция. Свертывание жизни. Уход в небытие. Оркестрованный, как последние симфонии Малера. Темы развиваются и медленно, в игре вариаций, замолкают, умирают. Решил на могилу поэта съездить. Зимой, чтобы не было никого. Приехал, а там – женщина. Стоит у белого камня. Одна. Стройная. Молодая.

– Вас случайно не Лара зовут?

– Почти угадали. Лана.

Пошли с ней вместе к станции. Доехали до Киевского вокзала. Ей надо было в свой институт, на Ленинский. Проводил ее. Начали встречаться. Не часто. Бродили по Замоскворечью. Заходили и в парк Горького, в Донской. Разговаривали. В теплые дни сидели на лавочке. В холодные – шли в кино. Чаще всего в Иллюзион на Котельническую набережную. Там иногда целовались. У нее была семья, муж, ребен-

нок. Разводиться мы не хотели. Оба были эгоистами. Банальная история. Без продолжения. Без апофеоза. Только со слезами. Так уж получается, все понимаешь, всему ясно даешь отчет. Глупостей не делаешь. И все равно – больно.

Бывало, отживешь день. С женой перед сном поиграешь. А потом, когда все уже спят, только метель на улице воеет, лежишь и мечтаешь. И в мечтах отрываешься от тела. Оставляешь его спать в теплой постели, а сам, свободный, как демон, проходишь сквозь стены, покидаешь свою кооперативную конуру и взлетаешь. И летишь, летишь сквозь ночь. Медленно.

Сначала над кольцевой дорогой. А потом и над железной. Под тобой дома, леса, поля заснеженные. Позади Москва – как светящийся ковер. Наверху – созвездие Ориона. Если захочешь, можно и туда слетать, но что тебе звезды, галактики и прочая пыль по сравнению с нежными глазами твоей любимой? Нет, не туда, а в Переделкино, к старому деревянному дому. В дом, однако, нельзя. Там – чужой мир, там спит Ланин муж и своим храпом отгоняет злых духов.

Превращаюсь в огромную ворону. С зелеными глазами. Подхожу к окну. Заглядываю в спальню. Каркаю. Стучу клювом в стекло. Лана встает с постели. И проходит сквозь стену... ко мне. Навстречу зеленому свету. Две огромные птицы взлетают над переделкиновскими соснами. Летят в свое небесное гнездо.

...

Ну вот и смотровая площадка. Справа трамплин. Слева церковь. Подхожу к гранитному парапету. Москва укутана туманом. Новодевичий монастырь виден хорошо, а Кремль почти не видно. Третий Рим. Первых двух не видал, в третьем – живу. Ну и что? А ничего.

Внизу деревья. Ветки черные, лоснящиеся. Московская графика. Надо идти.

Подошел троллейбус. Люблю семерку за то, что в ней всегда полно свободных мест. Проездной! Сидение холодное, но ехать недалеко. Дворец Пионеров. Гостиница. Ленинский.

Вон она, стоит на другой стороне проспекта. Шубка приличная. Что это у нее в руках? Сверток какой-то.

Выскочил из троллейбуса. Побежал. Спустился в подземный переход. Уу... низкий. Теперь замедлим ход. И примем вальяжный вид. Как сердце стучит!

– Лана, милая!

– Димыч, я тебя заждалась. Пришла на двадцать минут раньше, думала, ты догадаешься и тоже... раньше... придешь. Да не целуй ты, тут наши увидеть могут... Подожди, дурачок, пойдем в парк. Да ты что, плачешь, что ли?

– Нет, я не плачу, это снег на глазах... растаял.

– У меня руки замерзли, согрей!

Взял ее руки в свои. Розовые. Холодные. Пальцы длинные. Но некрасивые, к концу как бы расширяются. Ногти белые, широкие. Вот эта некрасивость и делает ее руки такими

родными. Желанными. У Нельки пальцы породистые, арийские, но они не мои.

Прижал Ланины руки к губам. Дышал, грел их и целовал. Ушли от шумного проспекта. Вошли в парк.

Красиво. Еще зима, но уже веет весной. Деревья смотрят по-другому. Просыпаются. Веточки набухли. Снег отяжелел. Местами провалился. В воздухе повисла еще холодная влага. В небе показалась синева.

– Ты чувствуешь. Новая ясность. Чистота в воздухе. Что-то в природе изменилось. Где-то там, под снегом, в корнях и стволах бродит новая жизнь. Март. В Москве всегда сумасшедший март...

– Ты, Димыч, всю зиму в Москве провел. У нас в деревне уже в конце февраля первая капель была. Я набрала воды с веточек и умылась. Бабушка говорила, кто первой водой умоется, тот счастливым будет.

– А ты, что же, несчастная?

– Нет, я счастливая.

– Что ты еще от жизни ждешь?

– Ждешь всегда того, что еще не было.

– Ничего еще не было, все, все новое... Что это у тебя за сверток?

– Ах, чепуха. Диаграммы какие-то... Не могла же я просто так уйти! Сказала, что пошла в президиум, потом в филиал, там пообедаю и прочее. Наш Эдуард совсем сдурел. То его неделями нет. Мы гуляем. То прибежит, всех разругает,

обидит, заставит все заново делать. Ну а потом изысканно прощения просит. Талькиной вчера сказал: «Вы, Людмила Николаевна, приходите вечером ко мне домой и комплект постельного белья с собой прихватите!»

– Ну, дает. Он бы еще мыло ее попросил с собой взять и презерватив.

– Это он не от хамства. Он просто настолько не от мира сего, что не понимает, что можно говорить влюбленной в него сотруднице, а что нельзя. Талькина два часа плакала и меня терзала. А что я ей могу сказать? Потом она решилась. Взяла белье и к Эдуарду поехала. А сегодня пришла тихая и загадочная. Все наши отдельские бабы у нее пытались выведать, что было. А она молчит. Только краснеет.

– И тебе не сказала?

– Мне сказала.

– Ну и что он, петухом кричал или икру метал?

– А ты никому не скажешь?

– Помилуй, ну кому же я скажу. Я ведь ни твоего Эдуарда, ни Талькину в глаза не видел. Знать не знаю и знать не хочу... Честное пионерское.

– Без крестов, без ноликов?

– Какие уж тут кресты!

– Не скажешь?

– Не скажу.

Тут Лана понизила голос и что-то мне тихонько прямо в ухо прошептала, а потом отпрянула и рукой сама себе зажала

рот. Я расслышал только: «И тогда он ее заставил...»

– Да что ты говоришь?

– Ты представляешь? А ведь ему за шестьдесят. Членкор. Профессор. У него уже сын доцент.

– Ни черта я не понял.

– Не понял и не надо. Много будешь знать...

Так я и не узнал.

– Мне все это время фильм покоя не дает. Тот, что мы неделю назад смотрели.

– А... Феррери. «Диллинджер мертв».

– Ну да. У него же есть все. Свобода. Богатство. Почему же он психует? Жену убил.

– Ее надо было убить. Она тормоз. Или... символ. Лежит, ноет, в вечном гриппе. В прострации. А тут служанка. У нее воля есть. Интерес. Хотя бы к деньгам.

– Тебе все ля-ля. А меня задело.

– Ничего не ля-ля. Прописная истина – жизнь только тогда приносит радость, когда ты к чему-нибудь стремишься. Только в пути. Работаешь. Борешься. Не важно, за идею или за женщину. А когда ты всего достиг, то все как-то само разрушаться начинает. Тут есть что-то, что нам, людям, лучше не знать... о нас самих. Отрицательный опыт.

– Что-то вроде запрограммированного тупика?

– Да, так можно это назвать... тупик достижения. На нервных людей фатально действует. Например, ты вкладываешь все силы в карьеру, в положение. И добиваешься всего. Но,

вот фокус, потом ты сам начинаешь самого себя и все достигнутое разрушать. И приземляешься у разбитого корыта... Потому я карьеру и не делаю... Тошно все заранее знать.

– А почему он горошинки на револьвере нарисовал?

– Это дань дизайну. Безумию тамошнему. Нас коммуниз-дия от этой пошлости спасает. Хотя и у нас ситцы в горошек. Но у нас это убого, а там – богато и со вкусом. Но зловеще.

– А ты бы хотел слинять?

– Не знаю. Не люблю строить планы. Я тоже в прострации... Живу... как в обмороке. Как мы все... Тебя увидел – счастлив. Когда совсем молодой был – хотел пожить в Пари-же, в Нью-Йорке. А теперь на путешествия больше не тянет.

– А куда тянет?

– Тянет на гречневую кашу с молоком. Шучу, на созвездие Ориона.

– Рассмешил!

– Хотя... на море тоже иногда тянет. На океан. У меня на учебнике астрономии кто-то из бывших владельцев написал: «Хочу на Луну!» А рядом, другим почерком: «Циолковский – мудака!»

– Здорово! А ты слышал байки, что Гагарина инопланетя-не похитили?

– На кой же он им понадобился? Пить с ним, что ли за компанию? Хотя, все бывает, может и инопланетяне. Жалко, что они и Черненко с собой не прихватили!

– Говорят, он уже умер. Только об этом не сообщают.

– Говорят... Может, и умер, только, кого же тогда по ящичку каждый день показывают? Двойников? Ты знаешь, в телесном бессилии наших старцев есть что-то зловещее. Агония затянулась. На самом деле, эта агония наша. Это мы – бессильны. Это наш, совковый образ. Наш лик. Неужели это будет вечно продолжаться? Тогда нам всем конец. Они нас всех одними бесконечными похоронами до депрессии доведут.

– Не пугай меня, я о политике даже думать не хочу, Димыч. Боюсь.

– Плохо то, что она о нас все время думает... Россия сейчас, как и во времена Грозного – огромный языческий алтарь. Тут приносятся человеческие жертвоприношения. Тут терпят. Все мы подошли к какому-то порогу. Еще шаг – и безумие уже не остановить.

– Перестань, не бреди себя. Лучше поцелуй меня.

Лана целовала нежно, отдавая себя. Мы прижались друг к другу. Так крепко, как могли. Стояли, обнявшись, как живой столб. Одни на липовой аллее. На холоде. На ветру.

Два часа пролетели быстро. Лане нужно было еще появиться в институте.

А меня разрывало. С одной стороны – хотелось поскорее уйти, остаться одному, ехать домой, почувствовать себя в знакомой роли, как ноге – в старом теплом чулке. С другой стороны – не хотелось никуда уезжать. Только стоять, прижавшись к Лане, стать деревом, срастись с ней, переплестись

корнями и остаться тут навсегда.

Тебе скоро тридцать. Пора уже и повзрослеть. А тебя носит как шестнадцатилетнего. Втюрился, как пацан. Что теперь – убежать? Упасть на холодную землю? Разрыдаться? Или петь, прыгать, танцевать? Может, купить вина, поехать к Леше и напиться у него? Или, еще проще – взять бутылку портвейна и выпить ее на улице. В одиночку. Фу, как глупо. На большее ты не способен? Купить... Выпить... Рыдать... Русская загадочная душа... Ни на что не годен.

– Я пойду. Мне надо еще по магазинам пройтись, к празднику что-нибудь вкусенького купить. В Переделкино нет ничего в магазине.

– К какому празднику?

– Ты где живешь, милый! На созвездии Ориона? Через два дня восьмое марта!

– Черт бы его взял... Тяжело прощаться.

– Что ты? Не смотри так. Я на следующей неделе обязательно позвоню. Скорее всего, в среду.

– Целую неделю ждать. А почему не в понедельник?

– Ты как ребенок. Хочу игрушку и все! В понедельник у нас аврал. Эдуард что-то вроде инвентаризации задумал.

– А во вторник?

– Во вторник я обещала Талькиной с ремонтом помочь. Она совсем извелась.

– В среду, так в среду.

– До свиданья, милый.

Повернулась и ушла. Только хвостиком вильнула.

А мне... куда теперь идти? Тоска заест!

На работу, в стойло? Чтобы там сидеть и демонстрировать. Смотрите, мол, вот он я. Такое же жлобье как вы. Ненавижу все! Домой? Там жена с дочуркой. Меня там совесть замучает. Буду весь вечер грызть самого себя. И с Нелькой поругаюсь.

Тут подошел сто сорок четвертый. Я обрадовался. Вскочил в него, как разбойник в почтовый тарантас. В автобусе было душно. Народу полно. И у всех лица как у распятого. Москва – Голгофа. Будь ты проклята!

Отмахал в давке по Ленинскому до улицы «26 Бакинских Комиссаров». Кто-то мне говорил, что самые хитрые из комиссаров в живых остались. Так всегда, хитрожопые остаются в живых, а честных – к стенке.

Может быть, поэтому наша жизнь идет наперекосяк?

Мы пытаемся выжать из нее капельки счастья, которое не заслужили. Ведь мы все – потомки выживших...

...

Через четыре дня сообщили, что Черненко умер. Началось новое время. С Ланой мы встречались еще два месяца. Потом у нее появился новый ухажер, старший научный сотрудник из ее отдела.

Пронов умер.

Канитель с Двинской тянется до сих пор.

Владимир Базан

/ Париж /

Базан Владимир Сергеевич (21.10.1953, райцентр Унеча,

Брянской области) – фотожурналист. Окончил художественно-графический факультет Витебского пединститута (1978). Работал фотографом, корреспондентом, ответственным секретарем в многотиражке «Строитель» (1980–1990). Создатель (вместе с фотографом И.Лейкиным) и главный редактор, дизайнер и фотокорреспондент первой негосударственной в Беларуси общественно-политической газеты «Витебский курьер» (1990–2007). Лауреат премии ленинского комсомола Витебщины за серию работ «Дети» (1985). Медаль «За выдающееся мастерство» на выставке «The Epoch Times First Grand Photography Competition» за фото «Игра в шашки» (2007, США). В середине 80-х был председателем витебского фотоклуба «Витьба». Центральное место в творчестве занимает репортажная, публицистическая, жанровая фотография. Среди основных работ серии «Думай, парень...» (1982–2005), «Праздник в православной церкви» (1988), «Пионерский лагерь» (1989), «Приметы»(1989), «Чернобыльский натюрморт» (1996), «Париж! Париж... Я не хочу домой...» (2001–2007), фотосерия «Армения. Декабрь. 1988». Фотографии о землетрясении в Армении отмечены первой премией в ГДР на фотосалоне «Инфосканбалтик» фирмы Цейс-Практика. Главный редактор специального номера газеты посвященного Первым Шагаловским дням в Витебске (1991). Персональные выставки в Литве (Каунас 1987, Вильнюс 2003), Эстонии (Таллинн 1989), Латвия (Даугавпилс 2001, Рига 2007), Польше (Голенев 1998), Герма-

нии (Хамм 1993, Нинбург 1998, Гамбург 2006), Осло (2005), Испании (Кордова 2006, 2007), Беларуси (Барановичи, Борисов, Слоним, Брест, Минск, Витебск), Франции (Париж 2010).

Наталья Шабло

/ Подмосковье /

Наталья Тимофеева публикует свои стихи под именем Наталья Шабло. Стихи пишет с детства. Публиковалась в периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор поэтических сборников «Листья на воде», «Настежь», «Я здесь была». Член Интернационального союза писателей.

В настоящее время живет в Подмоскowie (г. Химки).

Я буду ждать

Из писем Марины Цветаевой Борису Пастернаку:

«...Я буду терпелива, – пишет Марина, – и свидания буду ждать, как смерти. Отсюда мое: Терпеливо, как щепень бьют, Терпеливо, как смерти ждут, Терпеливо, как вести зреют, Терпеливо, как мечь лелеют – Буду ждать тебя (пальцы в жгут – Так Монархини ждет налогщик), Терпеливо, как рифму ждут, Терпеливо, как руки гложут, Буду ждать тебя...»

Величье душ не скомкать расстоянью,
Не очернить житейской суете.
«Я буду ждать». И жизнь вослед признанью
На эмигрантской бьется частоте.
«Я буду ждать». Сквозь версты. Сквозь границы.
Сквозь все ветра и бездорожье лет.
И пишутся стихи. Летят, как птицы,
Ручные письма росчерком вослед.
«Я буду ждать». И в этом обещанье
До нас дойдет связующая нить
Двух унесенных ветром состояний,
Двух судеб, что нельзя соединить.
«Я буду ждать». Все повторится снова
В который раз у потерявших кров.

Пусть ожиданье сквозь века не ново,
Но каково величье этих слов!

В центре тишины

Туман вуалью занавесил склоны.
Ни дуновенья. Тишина звучит,
Прощупывая все диапазоны,
Где вечность с брэнной жизнью говорит.
Ты словно втиснут в центр мирозданья.
Тебе неловко. Но восторг растет
От таинства простого созиданья,
Что от дыханья Муз произойдет.
Попробуй эту ноту засиничья
Или паденья шишки перелив!
Журчание ручья на южно-птичьем.
Или прохлады утренней мотив.
Как много здесь оттенков и созвучий!
Как в белом цвете – радуга цветов,
Так тишина – тот самый главный случай,
Когда ты слышать главное готов!

Из детства

Уж капает неясная весна
С локтей шершавых крыш и перекрытий,
И черный грач – он тот еще строитель! —
Как символ пробужденья ото сна,
Березы в небо обнаружив течь,
Гнездом ее латает. И Саврасов,
Набор кистей к рубахе подпоясав,
Готовится шагнуть в «Родную речь»...

Нет прощe ничего

Нет прощe ничего
внезапного ухода:
Остановить часы,
Задержать зеркала.
Все так же за окном
Безмолвствует природа,
Выгуливают псы
Хозяйские тела.
Все так же скуден день
На подвиги по ходу,
Неровен в лужах блик
От беглого луча.
И словно ты в миру
Не появлялся сроду,
И не горел твой дух,
Как белая свеча.
Как не было, так нет.
Не стоят сожалений
Рассветы без тебя
По клинописи крыш
И зеркала машин
Без беглых отражений,
Где ты зрачком души,
Как эпицентр, дрожишь.
А в переходах плач

Далеких девяностых,
«Бандитский Петербург»
Мелодией живуч.
Войти в такой портал
И раствориться просто,
Став тенью на стене
В потоке серых туч.
Нет проще ничего
Не быть, как не бывало.
В прогрессию внести
Короткий минус свой.
Натянута на мир
Большое одеяло,
Которое теплей
Случайных встреч порой.
Нет проще... Потому
На простоту не падка.
Так было сотни раз,
Статисткой – не по мне!
Свободный гражданин
Имперского упадка,
Я верю, третий Рим
Поднимется в цене.

Черно-белое

В этих лицах из фотоальбома
Незнакомая жизни страница:
Исторического перелома
И семейного счастья крупица.
Остается только приладить
Тот осколок, в котором есть небо,
Ту весну, где был радостен прадед,
И прабабку с краюхою хлеба.
Запах стружки в подвальной каморке,
Свет, струящийся прадеду в руки,
Колыбельку на струганной горке,
Клей столярный янтарно-упругий.
Запах дыни. И маму – их внучку,
С удивленными чудом глазами:
Ей доверили взяться за ручку
Новорожденного на диване.
Этот год, этот послевоенный:
Бабка чай по чаинкам считает.
И мой дед, бывший военнопленный,
Твердо знает, чудес не бывает...

Здесь нет ничего

Здесь нет ничего. Тишина. Белый снег.
Здесь белки неловко спешат удалиться.
Здесь так неуместно звучит: «Человек»,
Что даже от голоса можно напиться.
Здесь дуют ветра с переменной в крови.
Здесь выжжена снегом горы боковина.
И лапы еловые – как журавли —
К тебе тянут руки в молитве раввина.
Прижмешься щекою к снежинкам ветров,
Сглотнешь обмороженный воздух гортанью,
И мощь тишины лучше всех докторов
Простит тебе все, что творишь по незнанию...

Лучший кофе

Лучший кофе тот, что пахнет домом
И корицей с зернышком души.
Лучший город – город незнакомый:
Новизной в нем виды хороши.
Лучшие дорожки и маршруты —
Те, что дарят радость бытия,
Удивленье, восхищенье чудом,
Ощущенье солнечного дня.
Лучшие друзья близки по духу.
В лучших книгах мы душой растем.
Лучшей песней наслажденье слуху
Словно родником живым даем.
Пусть стандарты жизни повышает
День весенний каждому, друзья!
Лучше вас на свете не бывает!
Потому и вертится Земля,
Чтоб подставить лучшие моменты
В лучших экспозициях для вас:
Птичьих голосов аплодисменты,
Горы в профиль, облака в анфас.
Счастья примеряйте чаще платья
И носите все, коль вам не лень!
Раскрывайте чудесам объятья,
С чашки кофе начиная день...

Римма Запесоцкая

/ Лейпциг /

Родилась в городе на Неве, работала социологом, зоопсихологом, в археологических экспедициях, дворником, кочегаром, машинисткой, редактором и библиографом в Библиотеке Академии наук, редактором и корректором в различных издательствах. Ее стихи и проза печатались в ряде журналов, в сборниках и альманахах. Она автор двух стихотворных

книг: «Постижение» (1994) и «Мост над пропастью» (2014)
и книги прозы «Избранные сны» (2016).

Ольга, дочь царя Симеона

По следам одной гипотезы

Один из самых загадочных и интригующих вопросов древнерусской истории – происхождение княгини Ольги. Я излагаю здесь гипотезу, которую, по моему мнению, убедительно доказал Генрих Ильич Магнер. Он много лет занимался этим вопросом, но не успел опубликовать свои выводы, и я хочу рассказать о том, что мне, как заинтересованному свидетелю, известно об этом сюжете. Но сначала следует представить читателю исследователя, которому удалось найти достоверные следы и по ним дойти до истока, расчистить позднейшие наслоения и под одеждой простой рыбачки обнаружить одеяние царевны.

Генрих Ильич Магнер (1931–2004), мой старший друг, был личностью выдающейся, талантливым ученым, филологом и историком, с гениальными догадками и прозрениями, к сожалению, по объективным и субъективным причинам далеко не в полной мере реализовавшим свои возможности. Напечатаны лишь несколько его работ по истории, языкознанию и литературоведению, но про каждую из них можно сказать: «Мал золотник, да дорог». Он мне говорил, что в молодости задумал переписать всю историю России, такие были у

него грандиозные замыслы. Но жизнь его так сложилась, что он не имел возможности официально заниматься наукой и вынужден был записывать свои идеи в свободное от работы время, а работал он сначала учителем, а потом, по принципиальным соображениям, на заводе и воспитателем в рабочем общежитии. Генрих Ильич был родом из Житомира, и несколько его текстов опубликованы на украинском языке, который он знал в совершенстве.

В сферу его научных интересов входили древнерусская история и топонимика, этимология, а также творчество А.С. Грибоедова, одно стихотворение которого он атрибутировал и дал свою версию происхождения фамилии Чацкий в «Горе от ума». У него есть работы о призвании на Русь варягов, о щите князя Олега на воротах Константинополя, о выражении «ни зги не видно» и о многом другом. Г.И. Магнер открыл происхождение странного фразеологизма «после дожличка в четверг», в котором со временем уже непонятный народу «тождичек» был заменен на «дождичек», а первоначально это выражение значило «после пятницы в четверг», то есть *то, чего не может быть никогда*. Интересно, что до сих пор в науке господствует версия, что данный фразеологизм связан с культом громовержца Перуна у славян-язычников. Между тем Г.И. Магнер убедительно доказал этимологию фразеологизма и объяснил, какую роль в его возникновении и видоизменении сыграло то, что у славян и германцев в стародавние времена была не семидневная, а пяти-

дневная неделя, и пятница была днем отдыха, свободным от работы (это значение сохранилось в немецком и английском языках: *пятница* там дословно переводится как *свободный день*).

В науке есть разные методы познания. Г.И. Магнер использовал дедуктивный метод, от общего к частному, от синтеза к анализу, а не наоборот. Он на основе немногих, часто противоречивых данных выдвигал свою гипотезу и потом проверял ее на тех фактах, которые должны были, как следствия, из нее вытекать. Если какие-то факты противоречили гипотезе, он ее отвергал и выдвигал другую. Я ездила однажды в начале 1980-х в Белоруссию, и Генрих Ильич поручил мне на станции Беларусь (недалеко от Минска) зайти в местный музей и узнать, была ли там когда-то березовая роща. Он объяснил, что это очень важно для подтверждения или опровержения одной его гипотезы. В музее явно заинтересовались моим вопросом, и выяснилось, что действительно, много веков назад, по документам, на этом месте была большая березовая роща. Жаль, что я не знаю, какую именно гипотезу подтверждала эта информация.

Но вернемся к происхождению княгини Ольги. И в данном случае Г.И. Магнер использовал свой обычный научный метод: принял гипотезу, которая показалась ему наиболее убедительной среди уже существовавших в науке различных версий, ни за одной из которых не было достаточных оснований, потому что слишком мало сохранилось вызывающих

доверие сведений. По гипотезе Г.И. Магнера Ольга была царевной, дочерью великого болгарского царя Симеона. И она основала город Псков, первоначальное название которого – Плесков, созвучно с названием древней болгарской столицы – Плиска. На это сходство названий и раньше обращали внимание исследователи и предполагали, что Ольга могла быть основательницей города, но кто она была – простой крестьянкой, болгарской княжной/ царевной или происходила из знатного варяжского рода, связанного с князем Олегом, так и оставалось неясным.

Из гипотезы, в которой был убежден Г.И. Магнер, следовало, что Ольга, будучи царевной, привезла своих мастеров, которых использовала при строительстве Пскова. В то время, в начале X века, Болгария была державой, уже принявшей христианство, в отличие от Руси, еще остававшейся языческой. По этой гипотезе Ольга (в крещении Елена) уже была христианкой, когда прибыла в Киев как невеста князя Игоря. Поэтому она сама хотела крестить Русь, но, как известно, это произошло только при ее внуке князе Владимире.

Логично было предположить, что болгарские мастера в Пскове расписывали христианские храмы и писали иконы, следуя уже сложившейся болгарской школе иконописи. Именно это предположил Г.И. Магнер, но долго не мог проверить свою догадку, не будучи специалистом по сравнительному изучению древних школ иконописи. И только когда в 1976 году в Русском музее в Ленинграде состоялась вы-

ставка древнеболгарской иконописи, он смог блестяще подтвердить свое предположение. Как Генрих Ильич мне рассказывал, сопровождавший выставку эксперт по иконописи был просто потрясен заданным ему вопросом: существует ли сходство между болгарской и псковской школами иконописи и в чем их отличие от новгородской школы. Ведь этот эксперт, как выяснилось, уже сам определил по клеймам, что ранняя псковская школа иконописи гораздо ближе по своей манере и характерным особенностям к болгарской, чем к новгородской. Но эксперт решил, что ошибся, что этого не может быть, ведь он не понимал причины возникновения такого сходства. Таким вот образом Г.И. Магнер подтвердил свою гипотезу о болгарской царице Ольге, основавшей изначально христианский город Плесков, нынешний Псков. Ведь эта гипотеза логично объясняет такое удивительное сходство древнеболгарской и ранней псковской школ иконописи.

Почему Г.И. Магнер так и не опубликовал свои выводы? Во-первых, в последние годы жизни он из-за болезни не мог изучить все вновь появившиеся научные материалы по данной теме, поэтому его научная добросовестность не позволяла оформить эту гипотезу в виде научной статьи. Во-вторых, он предположил, что княгиня Ольга должна быть захоронена в псковском соборе, и долгие годы ждал, что археологи или вновь найденные документы подтвердят его догадку. Но и сегодня это открытый вопрос, до сих пор не найдено

место, где упокоилась княгиня Ольга, что никак не опровергает гипотезу Г.И. Магнера.

И в заключение хочу еще раз подчеркнуть: для Генриха Ильича Магнера было очевидно, что его гипотеза верна – киевская княгиня Ольга основала город Плесков и привезла из Болгарии мастеров, в том числе иконописцев, потому что была изначально христианкой и дочерью великого болгарского царя Симеона I.

Миясат Муслимова

/ Махачкала /

Муслимова Миясат Шейховна. Печаталась под псевдонимом Мариян Шейхова. Родилась в 1960 г. в селе Убра Республики Дагестан. Поэт, переводчик, литературный критик, публицист. Председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, вице-президент Клуба писателей Кавказа. Член Международного Союза писателей Иерусалима, Союза писателей Северной Америки. Автор поэтиче-

ских сборников «Ангелы во крови» (2006), «Наедине с морем»(2009), «Диалоги с Данте» (2010), «Ангел на кончике кисти» (2011), «Камни моей родины» (2014), «За словом, за дыханьем, за любовью» (2014), «Мамины сны» (2014), сборника публицистических и литературно-критических статей «Испытание свободой» (2009), книги переводов с лакского языка («Парту-Патима», 2009), аварского (А. Сулейманов «Заветное слово» 2017, Адалло «Наследие огня» 2019). Стихи переведены на итальянский, греческий, грузинский, осетинский, лакский, белорусский, балкарский, азербайджанский языки. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дарьял», «Бег», «Дети Ра», «Русский глобус», «За-За», «Луч», «Крещатик», «Южное сияние», «Вайнах», «Неман» и др. Победитель международного литературного конкурса «Золотая строфа-2010», Волошинского конкурса в номинации журнала «День и ночь», победитель журналистского конкурса «Золотое перо России» (2013), победитель конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (2015), лауреат республиканской премии им. Расула Гамзатова, победитель конкурса Кубка издательства СТИХИ в серии «Стереоскоп» и др.

Памяти С. Параджанова

Триптих

I. Воспоминание

Из света в полутьму, из темноты на свет
К высокому кресту из суеты сует,
К скрещению дорог на каменный порог
Заклятием теней зовет дремучий рок.

И вот

Взвились огненные кони взрывом солнца в небесах,
Время сыплется в ладони, пеплом стынет на глазах,
И над миром медлит в танце огнегривое кольцо,
Бьют хвосты протуберанцев в лики вздыбленных гонцов.
Из глубин веков Вселенной тетивой летит стрела,
Над гробницами Равенны эхо пьют колокола.
Воздух плавленной свободы – под копытами коней,
Отекают чьи-то годы в пустоте ненужных дней.

Но

Что за огненные кони возвращаются с небес?
Ангел их устало гонит или бьет под ребра бес?
Кровью пишутся затменя и ложатся на холсты.
Над горой уснувшей тени поднимают ввысь кресты,
И стремительные реки остужают алый бег,
Выплывает из столетий Ной, и с ним его ковчег —
Мимо торжища лесного, мимо запахов земли
К яслям высохшей коровы, к плачу брошенной любви.

И вот

Из пустоты к огню, из темноты на свет,
К высокому костру из горечи и бед
Зовет крылатый конь, спускаясь на порог.
Кому – моя ладонь? И кто теперь мой рок?

II. Выпусти белую птицу

Выпусти белую птицу – ты же хотел быть счастлив,
Всего лишь немного счастлив, и даже об этом сказал.
Вот и друзья над тобою шепчут слова участия.
Трудно расслышать, знаю. Постель – это тоже вокзал.
В кадре всего лишь бездна. Ее отпоют куранты
Выпусти птицу – рвется, ты же давно хотел.
Надпись на камне, фреска, исповедь цвета граната —
Вот и взлетела птица над памятью спящих тел.

Мать принесет одеяло и камень укроет им.
Мы ничего не скажем. Мы просто с тобой помолчим.
Тени забытых предков снова седлают коней,
Время идти в дорогу, время встречать сыновей.

III. Зерно

Что ты кашляешь, рыжий монах? Ветер треплет сутану,
Март бессилен, но май неотступен. Молчи обо мне,
Остуди воспаленную душу – о тебе горевать не устану.
Черный бык в золотистых колосьях роет землю на
дальнем гумне.

Выйди к солнцу из храма, пусть ликует крестьянское
тело.

Раньше слова и глина была, шелестело в ладонях зерно.
Ты молился не так, как земля под ногами велела,
Где томилось в кувшине надежд затаенных вино.

Что ты в небо глядишься? Опрокинута чаша чудес,
Купол храма в траве, прорастает весна из-под ног,
Ослабевшая грудь просит жертвы, но жертвенный крест
Отлученных от плуга не примет обманутый Бог.

Черный конь рвет узду. Белый снег на груди Арарата,

Золотые оклады песков обнимают границы морей.
Нет у страсти возврата назад. Под корою граната
Просыпаются зерна земных и небесных кровей.

Я распахнула двери

Я распахнула двери. Гул толпы
Ворвался, опрокинув стылый ветер.
Как жесты обреченного скупы
На сквозняке воззваний и запретов!
Закрой и отступи, пока не поздно,
Пока на службе у одной лишь Музы!
Но если ты услышал, то опознан,
И вот уже ложится тяжким грузом
Чужая боль на грудь, чужая ярость.
Каюсь.

Она жила во мне, но отвергая
Зов пропасти, я затворила двери,
Закрыла окна в стихотворном рае.
Воздалось мне по сердцу и по вере —
Иду на зов. Чей голос я, чья сила?
По ком звонят опять колокола?
Гул за окном. Я двери отворила:
«Твоя святая за тобой пришла».

Петербургу

И если сбылось все и все состоялось,
Осталась для счастья лишь самая малость:
Все бросить и выбрать свободу пути,
Паломником в город заветный войти.
Дворцовая площадь, Сенат и Нева,
Кронштадт, Исаакий, гранит, острова...
И чтобы быть с прошлым на «Вы» и на «Ты»,
Здесь Время разводит и сводит мосты.

И если судьба, обманув, не сложилась,
Ты городу этому сдайся на милость —
Туманам, скульптурам, чугунным узорам,
Державным колоннам, высоким просторам —
Проступят сквозь синь и полет облаков
Крылатые птицы других берегов,
И отрок кудрявый, и Анна, и Блок
Тебя поведут лабиринтами строк.

И вздрогнувшим сердцем почувствуешь вдруг:
Навек в твою душу вошел Петербург.
Ты станешь иным, чтоб вернуться к себе,
Ответить как равный все той же Судьбе.

Шепот

Так выпуклы вещи в ночной тишине,
Так тени причудливо – близки...
Качается тополь в открытом окне,
Бросает в окошко записки.

Они холодны от прошедших дождей,
Слетают на стол отрешенно.
Здесь ветер дыханья любимых нежней,
И звезды в ночи обнаженней.

И шепотом губ я о счастье пишу,
К Нему этой ночью взываю.
Спасибо за то, что в стихах ворожу,
Ищу и блуждаю по краю.

Спасибо за то, что язык Твой велик
И в каждом творении звучен,
За замысел тайный, за солнечный блик,
За мед ожидания тягучий.

Так трепетно утром день снова расцвел,
Но мне Ты дал участь иную.
За то, что всю жизнь к этой ночи Ты вел,
Я плачу от счастья, ликую.

Мой шепот не слышен, я плачу тайком,
Медсестры заснули устало,
И тополь печально шумел за окном,
И смерть, как сиделка, картинки листала.

Анжи ³

Бабочки пахнут полынью,
Йодовый воздух искрит,
Мерные волны латыни
Бьются о певчий санскрит.

Пена морская наутро,
Плавно прервав миражи,
Стынет у гор перламутром,
Выронив жемчуг Анжи.

Смири, Тарки-Тау, гордыню,
У моря хазарских кровей,
Пусть горькие песни полыни
Остудят морской суховей.

Омытый дождями, прибоем,
С мерцаньем слюды на камнях,
С мальчишеским ветром-изгоем,
Черешневым цветом в горстях

Мой город прекрасен, я знаю,
В нем волей природы сошлись
И горы, и степи без края,

³ Анжи – старинное название Махачкалы.

И море, и ласковый бриз

Барханов тягучие тайны,
И гордый орлиный полет,
И щедрость равнины бескрайней,
На кручах нетающий лед.

...Бабочки пахнут полынью,
Йодовый воздух искрит
Мерные волны латыни
Бьются о певчий санскрит...

Как мягок карий цвет

Как мягок карий цвет, стекающий к сосцам...
Их белизной как будто очарован,
Застыл рассвет, и к тихим бубенцам
Склоняет рог печальная корова.

Платок завяжет мама узелком.
В протяжном повторении земного
В сосуде пенится и тонет молоко,
Коричневым баюкает корова.

Копытца держат землю, и она
Под синевой небесного покрова
У ног крестьянки кротко прилегла.
В тени каштана светится корова.

Устали краски удивлять людей,
И мир глядит с наивностью Нико,
Как просто жизнь течет и без затей
Струится под ладонью молоко.

Зеркала

Парча осенних переплясов, охапка ветра, купола...
Старуха с пряжей на пороге и с жизнью, выпитой дотла,
И сын садовника в седирах в забаве тронет облака,
От детских слез до воскресенья течет и катится река.

Под мостом, мотая гривой,
Мчатся воды торопливо,
А меж волн луна дрожит,
Дынным ломтиком кружит.

Жемчужной нитью обрываясь, сорвались звуки из окна,
А следом сердце замирает. Рояль. Хлопок. И тишина.
В родстве с небесной высотой и отлученный от семьи,
Он бродит с кистью за мечтою и спит на краюшке скамьи.

За окном взлетели руки,
Это птицы или звуки?
Это просто черепки,
Разойдитесь, чудачи...

Нет удачливым доверья, и, от сытых сторонясь,
Он рисует праздник хлеба, света призрачную вязь.
Парча осенних переплясов, охапка ветра, купола...
И упоение от красок, и кисти нашей зеркала...

Александр Айзенберг

/ Гамбург /

Одесский писатель (р. 1957). Автор пьесы «Жди, смертный, завершающего дня», книг «Узурпаторы», «Агент влияния», «Империмум». Автор цикла теленовелл «Императорский Рим». Член Национального союза театральных деятелей Украины и Союза журналистов Украины.

Полная луна

Итак, это – сон... или не сон...

Значит, ко мне приехал брат. В Одессу. Из Израиля. И мы сразу пошли на старый адрес. На Пушкинскую, угол Чкалова. Туда, куда, как часы, приезжали московские родственники каждый год. Ну, не каждый – мы же ездили в ответ в Москву. В любом случае, это было весело: человек восемь в одной комнате, не замечающих друг друга или делающих вид – какая разница?

Мы в этом дворе с запахами. Смотрим, ностальгически вздыхаем. Но в этот момент я вижу в каком-то окне, кто-то кого-то душит. Причем, все это несколько ближе, чем хотелось бы. У брата детство происходило в Ашхабаде, а у меня в этом дворе. И тогда никто вроде ни разу никого не душил. Я, как честный еврей, в прошлом из этого двора, естественно, не желая ни в коем случае быть свидетелем, не говоря уже о большем, моментально выскочил на улицу с криком:

– Атас!

Отдышался... Никого... Тут же вспомнил о брате и позвонил ему. Нет ответа. Еще раз. И хотя это телефон, полное ощущение, что звоню в рельсу.

Тогда я говорю в выключенный телефон:

– Где этот идиот?

А из выключенного телефона брат мне говорит:

– В милиции.

И я как-то сразу оказался в милиции. При этом я понимаю, что у меня проблема... Никакая это не милиция, а уже полиция! Хорошо, что вспомнил. Теперь... как же к ним обращаться?.. «товарищ милиционер» отпал сразу, и, собственно, «гражданин милиционер» рухнул рядом, даже не заикнувшись...

Так... «господин полицейский»... могут обидеться... а «пан полицейский»... а вдруг возьмут и ударят по лицу... или наоборот... как сказать, как сказать – все же очень серьезно!!! А-а-а! начну с извинения! и в безличной форме!!!

– Прошу прощения!

ФФФ-фу...

И, конечно, я им сразу говорю, чтобы они отпустили брата. А они мне говорят, кто я такой? и кто такой брат? и что мы оба вместе делаем?

Я им хочу ответить, что это мой брат из Москвы... И вдруг понимаю, что «из Москвы» говорить нехорошо... А! Так он же таки давно уже и не из Москвы вовсе! Он из...

Они мне говорят:

– Так откуда он?

И я вдруг понимаю, что не знаю, откуда он. Тогда... тогда я им начинаю говорить, что это неважно.

– Я забыл название этого... как его... городка...

Между прочим, только под утро... в этом же сне... я все же вспомнил! Мец-Рамон! А через пять минут вспомнил,

что да! он там жил... а теперь живет... где-то... еще... а это я уже не просто не помню – я не знаю, где!!!

И я им говорю, что это неважно, где он живет. Важно, где я живу!

– Хорошо, – добродушно говорят они. – Где вы живете?

Я им гордо отвечаю:

– Город Одесса...

Они ждут...

А я понимаю, что сказать: «Ленинской искры»... не совсем хорошо... тоже...

А они ждут...

О! Какая «искра»! Уже давно «Марша... ла... Жукова»... совсем не хорошо...

Они продолжают ждать...

Стоп! там же еще разик переименовали во что-то другое... более лояльное... да. Но я не помню, во что...

Я говорю... не совсем внятно... но четко... номер дома и квартиры. А они говорят, что не расслышали... Я возмущенно – от отчаяния, говорю:

– На Таирова!

Это, очевидно, точнее, чем в Одессе, но не то, о чем они мечтали... и я тоже...

Тут я говорю, что могу показать, если они меня повезут... вот в том доме, где... за углом...

Наконец они меня спрашивают про документы. Понимаете?

Независимо от себя, у меня вырывается:

– А чего мои? возьмите его!

И они соглашаются и даже дают мне его документы и просят:

– Прочтите...

– Что, «прочтите»? они же на израильском! как я могу прочесть?

Они соглашаются:

– И мы не можем.

Я криком кричу:

– Пусть он и читает свои документы!!!

А они резонно возражают:

– Мы ему не верим. Вы прочтите, а мы сверим... с его чтением...

– Но я же не могу!

– Станный человек вы... Документов нет. Сказать, откуда ваш брат...

– Из Израиля!

– Да. А вы из Одессы. А откуда он из Израиля? а вы из Одессы? Сказать не можете. Более того, не можете прочесть на израильском – сами сказали!

– Не могу!

– Вот видите.

И это все во сне! И полнолуние!! Вот такая голова!!!

Алексей Глуховский

/ Баден-Баден /

Алексей Глуховский родился в Москве 22 апреля 1955 года. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал на радио. С 2001 года живет в Германии, в Баден-Бадене. Стихи пишет с юности, много лет занимался художественным переводом с немецкого, французского, сербского языков. Поэтические переводы печатались в сборниках издательства «Художественная литература», в «Литературной газете» и др. Автор сборника стихотворных переводов

«Слова» (Москва 2013), а также поэтических книг «Лирика» (Нью-Йорк, 2015), «Вид из окна» (Москва, 2017), «Знаки времени» (Москва, 2018), «Дорога домой» (Москва, 2020). Лауреат Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2018» в Льеже (Бельгия). Лауреат международной поэтической премии «Образ» за 2018 год.

«На дворе то ли дождь...»

На дворе то ли дождь,
то ли снег —
словно жизнь, затянулось ненастье.
За стеной – то ли плач,
то ли смех,
то ли радость, а то ли несчастье.
На душе то озноб,
то покой,
то заботы,
то отдохновенье.
Все сильней
недовольство собой,
все острее моменты прозренья.
Водосточная воеет труба,
исполняя печальное соло.
Подарила мне Слово
судьба —
мне б управиться только со словом.

Вещность

Все то, к чему сегодня
прикасаюсь,
в чем нет души, что холодно, как лед,
и в зеркале безмолвно отражаясь,
застыло —
все меня переживет.
Дверная ручка,
гладкая на ощупь,
дубовый шкаф,
приставленный к стене,
и раритетов
высохшие мощи —
все будут жить,
не помня обо мне.
В предметах закодирована вечность,
ее секрет неведом
никому.
Нетленности
подверженная вещьность,
необъяснима
сердцу и уму.
Предметы перейдут
в другие руки,
почувствуют другой пыливый взгляд.
И после нас

новейшие науки
бессмертия загадку объяснят.

Утренний кофе на террасе

С утра проснулся —
слава Богу!
О двух ногах, о двух
руках...
Ночная схлынула тревога
и под кровать забился
страх.
И снова радуешься звукам,
и можешь солнцу подмигнуть,
и прокричать ему:
«А ну-ка,
сыграй со мной
во что-нибудь»!
Выходишь прочь,
почти раздетый,
стоишь, как пугало,
в саду,
слепой от утреннего света,
со вкусом яблока
во рту.
И чутко слушаешь,
как птицы
высокий пробуют регистр,
и вдруг захочешь
с ними слиться,

вступая в звонкий
пересвист.

Пьешь на террасе
горький кофе,
следуя за солнечным лучом,
и про себя
бормочешь строфы
стихов без смысла —
ни о чем.

«Мы общаться когда-то умели...»

Мы общаться когда-то умели —
по делам или
по пустякам,
а теперь посылаем емейлы,
прямиком уходящие
в спам.

Мы дружили друг
с другом вживую,
выпивали, читали стихи.

Не расходуя жизнь вхолостую,
проживали
наперегонки.

Пополняли амурные
списки,
всем подряд признаваясь в любви,
отправляли далеким
и близким
откровенные письма свои.

Мы давно уже стали другими,
точно влили чужую
в нас кровь.

Писем больше
не пишем любимым,
в эсэмэски вмещаю любовь.

Словно сделались

вдруг равнодушной,
на слова и на чувства скупей.
Успеваем чуть больше,
разрушив
что-то важное в жизни своей.

«Ах, как легко порой дается стих...»

Ах, как легко порой дается стих,
разбросанный
по плоскости бумаги...

И кажется, что тайну
ты постиг

иль от нее – всего
лишь в полушаге.

Слова и рифмы
на своих местах,
послушные,
как голуби ручные.

Летят, кружат
и селятся в стихах,
и разгоняют образы ночные.

Время

(после прочтения «Письмовника» М. Шишкина)

Со временем
такая вот петрушка —
чем ближе край,
тем прошлое видней.
В часах настенных кликает кукушка,
ведя отсчет
чужих годов и дней.
По чьей-то воле сдвинутые стрелки
изменяют устоявшийся уклад.
Со временем невыгодная сделка
перенесет нас на века назад.
Из всех живых существ на этом свете
лишь человек
сознанием наделен.
Он знает все про неизбежность смерти,
про смену
и взаимосвязь
времен.
Про то, что
к неперенной катастрофе
жизнь каждого

однажды приведет.
И время нам не врач,
а сладкий морфий —
болезни не излечит,
но уймет.

А мы, как предки,
будем письменами
вести не уставая дневники,
чтоб сохранить,
нетленное с годами,
записанное нами
от руки.

Марку Шагалу

За окнами
почти что рассвело.
В домах, мерцая, догорают свечи.
Откуда-то туману нанесло —
над крышами, над церковью,
над речкой.
Земное притяженье —
ерунда.
Любовь не подвергается расчету.
Влюбленные, покинув города,
пускаются в безумные полеты.
Бесшумно набирая высоту
над лесом, над рекою, над полями,
в своих сердцах лелеют красоту.
И чувства распускаются
крылами.

С Провером

Птичьей стаей
в оперенье рыжем,
в воздухе, пропитанном дождем,
осень закружилась над Парижем
в танго нескончаемом своем.
Облетают годы, словно листья,
под ногами стелятся ковром.
По-французски «грустный» будет «triste».
Мы грустим с Провером под дождем.
Наблюдаем медленную Сену
и в леса одетый
Нотр-Дам.
Ливень на воде
взбивает пену
и с рекой уходит
в океан.
Мне поэт читает стих давнишний.
Мы стоим, подняв
воротники...
Между нами дождь,
как третий лишний,
тонет в ряби пасмурной реки.

Инна Иохвидович

/ Штутгарт /

Родилась в Харькове. Окончила Литературный институт им. Горького. Прозаик, эссеист, литературный критик. Публикации в литературных сборниках, альманахах, и пр. Победитель и финалист различных литературных конкурсов. Лауреат международной премии «Вольный стрелок: серебряная пуля» издательства Franc-tireur USA. Живет в Штутгарте.

те (Германия).

Алик, Ленчик и вьетнамец

Раз в несколько лет с Аликом случалось такое. Вот и сейчас, устроившись удобно на казенном тюфяке, он встревоженно вслушивался в тишину, прерываемую лишь резкими криками павлинов. Вдруг вспомнились набоковские строки: «Ночь дана, чтоб думать и курить// и сквозь дым с тобою говорить».

– С собою, – поправил он сам себя, – уже больше не с кем.

Несколько предыдущих ночей ложился он полностью пьяным, ничего не чувствующим, а встав нетрезвым пил снова. И даже начальство понимающе взирало на столь откровенное нарушение трудовой дисциплины. Хоть привычным был он к потерям да несчастьям, но даже для него, старого то ли бича, то ли бомжа, в какого превратился Алик, это было чересчур! За одну неделю потерял он последних близких – Ленчика и Вьетнамца. И в этом «прекрасном и яростном мире», каким когда-то обозвал его Андрей Платонов, остался он один-одинешенек...

К смертям родственников Алик привык еще во времена своей отсидки, во второй половине сороковых и первой пятидесятых. Дядьки с тетками, двоюродные братья с сестрами, да и ровесники его как-то после войны вдруг стали помирать?! Вернулся он в пятьдесят пятом, а тогда умерла и мама, дождавшаяся сына, сидевшего по пятьдесят восьмой.

Он и сам-то толком не знал, почему, да и за что сидел?! Ведь, обладая уникальной памятью, с листа запоминая даже кантовскую «Критику чистого разума», Алик ничем, кроме литературы, а шире, филологии, никогда не интересовался, не то что там какой-то политикой. Но именно из-за того, что не понимал, что хотят от него следователи, и схлопотал «десятку», а мог бы, как ему в колонии объяснили, «пятерку», если б понял, как должен себя вести...

Алик и в лагере жил не во мгновения времени, а во власти слов, стихотворений, книг, что наизусть читал заключенным, пересказывая близко к тексту русскую классику, читал все сонеты любимого Шекспира и его трагедии, и комедии тоже... У него и прозвище было – Библиотекарь! Оттого (и в этом лагерном антимире) – слыл уважаемым человеком! Не только у собратьев по несчастью или у сидевших урок, но даже у начальства и обслуги! Поначалу, по выходе на свободу, Алик не пил, обходился чифирем. Да и XX-й съезд КПСС (ему Алик не поверил полностью) все же принес душевное облегчение.

Местные театры наперебой заказывали ему инсценизации книжек зарубежных авторов или переложение для спектаклей.

Стал Алик хорошо, даже много зарабатывать. И жениться решил, да детей завести. Но с женщинами ему не везло. То ли не те, что должны были, ему попадались. Несколько раз он женился, и столько же разводился. Почему так получалось,

он и сам не знал, ведь как мужик он был хоть куда. Видно, не судьба была ему быть семейным, да с детьми. Вот он и запил. Бутылка спасала, она давала не только настроение, но даже приносила предошущение неведомого счастья, которое обязательно придет и к нему!

Эта иллюзия была ему необходима, не заметил он, как спился...

Теперь уже не на зоне, а в пивных, в барах, в «стекляшках» он читал сонеты за стакан вина или дешевой настойки. И было ему не до пьес, инсценировок, даже не до книг, а требовалось только это чувство ожидания счастья! Это стало смыслом его жизни... К тому ж умирали, либо куда-то исчезали друзья, приятели, сокурсники. С каждым годом их становилось все меньше...

Как уж Алик попал на работу в зоопарк и в нем задержался, он и сам не помнил. Но именно здесь, несколько лет назад он и разнакомился и подружился и с Ленчиком, и с Вьетнамцем. Они и стали самыми ему близкими – не просто собутыльниками, а можно сказать, семьей! Ленчик был помоложе его лет на десять-пятнадцать, но жил, как и Алик, при зоопарке, нелегалом. Только Ленчик в «слоновнике». А Алик, работник по уходу за тапирами, в «своем» помещении. Обоих из квартир изгнали сожительницы, но они не стали бомжами, а нашли себе пристанище здесь.

Вьетнамец жил с Ленчиком в «слоновнике», потому что был старым слоном по имени Бак Зап, вывезенным когда-то

из Вьетнама. Слону Алик дал погоняло – Вьетнамец!

Ленчик был алкашом, но самое удивительное было в том, что он спойл и Вьетнамца! Произошло это жестокой зимой, когда вдруг произошла авария в системе отопления. Тогда-то он и дал слону впервые попробовать водки. Так вдвоем пережили они холода.

Но у Бак Запа, как и у многих животных, живущих подле человека, развился самый настоящий хронический алкоголизм! Когда Ленчик с Аликом только познакомились, и Алик, потрясенный, сначала было отказывался пить «на троих», то не очень разговорчивый Ленчик сказал:

– Что тебе, Алька, не так? Что мой Бак – бухарик? Так он у нас с тобой третьим и будет!

С Ленчиком и Вьетнамцем было Алику хорошо, даже говорить не надо было, так хорошо. Оттого он часто и оставался спать в теплом слоновнике. Да вот незадача, вдруг, среди дня стало Леньке плохо, «скорая» увезла его в больницу. Больше Алик с Вьетнамцем его не увидели, им сказали, что умер. Алика отправили к его тапирам, а новый смотритель слоновника, подрабатывавший студент, перестал пускать Алика к Вьетнамцу. А на третий день разбушевавшийся слон (видимо, тоска стала нестерпимой, да наступила жесткая абстиненция) и растоптал того студента... Старого Вьетнамца усыпили.

Алик пил и пил, оставшись один на всем белом свете. И только строки будто высвечивались в памяти: «Потому что

участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом...». Было Алику уже много лет, но он не считал года и не думал о них, думал только о том, как же ему одиноко и тоскливо, да и спиртное перестало ему быть предвестником неведомого счастья...

«Видно, и мне скоро до дому собираться, засиделся я что-то в гостях на свете этом. Вон, верно ж Марк Аврелий писал, что человек это только душонка, трупом отягощенная», – думал Алик, закрывая веки, не зная, что закрывает их в последний раз, и чувствуя вдруг неожиданный покой и сладость, как бывало в детстве, когда засыпал после горьких детских слез...

Не знал он только о том, что его никем не востребованный труп станет учебным пособием многим поколениям студентов-медиков...

Да душа его ликовала на пути к своему Создателю!

В голубом вагоне

Леля сидела так, чтобы прохожие не видели, как она гладит рукой старый аккордеон.

– «Вельтмайстер» это тебе не хухры-мухры! – сказала она себе счастливым шепотом.

И чуть было не всплакнула, вспомнив свой старый баян, столько десятилетий верно служивший ей. Да пришлось его оставить, когда навсегда покидали родину, уезжая сюда. Это он – Алька! Заставил и баян продать, и покинуть любимый город!

Леля родилась в семье врачей: дедушка был даже профессором эндокринологом, а родители простыми терапевтами. А уж она, внучка и дочка, ни к чему не способная, стала работать в детском саду, музыкальные занятия проводить. А к тому ж, по-женски привлекательной она никогда не была, и все родственники и знакомые заранее ее в «старые девы» и записали.

В школе Леля училась плохо, и это с репетиторами?! В музыкальной школе тоже звезд с неба не хватала, но все же, с грехом пополам окончила и ее. В музыкальное училище попала по знакомству, директором был еще дедушкин пациент! Там числилась в отстающих, но диплом с горем пополам получила. С тех пор как началась учеба, Лелю терзало чувство вины перед родителями, дедом, перед знакомыми! Ведь

считалось, что евреи умные, а дети непременно вундеркинды!! Леле было неприятно то, что она не оправдала надежд и всеобщей уверенности родителей и родственников.

После училища, опять же по благу, так в те времена называлось устройство на работу по знакомству, получила место в детском саду. Этому она особенно обрадовалась! Во-первых, она любила маленьких детишек! Не то, что взрослых – те только и знали критиковать и обижать ее. А во-вторых, ей нравились детские песенки, как и детские книжки, а еще и она, и дети любили мультфильмы и песни из них. Именно в детском саду ощутила она впервые гармонию в своем тихом бесхитростном существовании...

Как-то, когда она уж несколько лет работала в этом детском саду, на новогодний утренник пришел дядя одного из мальчиков. Они познакомились, звали его Олег. И он, неожиданно, начал ухаживать за нею. А она, нелюдимая, привыкла к нему. Посчитала, что любит его! И, конечно, когда Алька сделал ей предложение, она согласилась. Ее родителям он не понравился, но они уступили желанию дочери.

С самого начала Алька оскорблял ее: то насмехался, а то раздраженно и зло обзывал. То называл сумасшедшей, но чаще просто душой! А она настолько привыкла к его оскорблениям, что отзывалась на «дуру»! Правда, он все это говорил ей наедине, так, чтобы никто не слышал. Поскольку они жили в квартире родителей Лели, то он никогда не кричал на нее, только шептал все гадости на ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.